

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
„ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ“»**

На правах рукописи

Стенин Иван Андреевич

**АКТАНТНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ТУНДРОВОМ НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Резюме

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Ландер Юрий Александрович

Москва, 2024 г.

Работа выполнена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже шесть статей. Две из них опубликованы в журналах, входящих во второй квартиль базы данных Scopus. Во всех соискатель является единственным автором.

1. Стенин И. А. Грамматика тундрового ненецкого языка И. А. Николаевой и проблемы описания самодийских языков. *Вопросы языкознания*. 2015. № 4. С. 91–133. (Scopus, Q2; Список В НИУ ВШЭ)
2. Стенин И. А. Некаузативные эффекты каузативной морфологии в северносамодийских языках. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2015. Т. XI. Ч. 2. С. 583–597. (Список С НИУ ВШЭ)
3. Стенин И. А. Синтаксис каузативной конструкции в ненецких языках. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2017. № 1. С. 25–35. (Список D НИУ ВШЭ)
4. Стенин И. А. Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2022. Т. 81. № 4. С. 96–108. (Scopus; Список С НИУ ВШЭ)
5. Стенин И. А. О пассивных глаголах с показателем *-ra / -rye* в тундровом ненецком языке. *Вопросы языкознания*. 2023. № 4. С. 21–46. (Scopus, Q2; Список В НИУ ВШЭ)
6. Стенин И. А. Антипассивные показатели в тундровом ненецком языке. *Урало-алтайские исследования*. 2023. № 4. С. 80–105. (Scopus, Q3; Список В НИУ ВШЭ)

Отдельные результаты исследования отражены также в следующих публикациях:

7. Стенин И. А. [Рец. на кн.:] Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Сборник статей / Отв. ред. Кузнецова А. И. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. *Урало-алтайские исследования*. 2014. № 3. С. 74–85. (Список В НИУ ВШЭ)
8. Стенин И. А. Пассив. *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*, ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. М.: Буки Веди, 2018. С. 490–545.
9. Стенин И. А. [Рец. на: / Review of:] Beáta Wagner-Nagy. A grammar of Nganasan. Leiden: Brill, 2018. xviii + 583 p. (Grammars and sketches of the world's languages. Indigenous languages of Russia.) ISBN 978-90-04-38275-6. *Вопросы языкознания*. 2020. № 5. С. 150–160. (Scopus, Q2; Список В НИУ ВШЭ)

Апробация работы

Основные положения и результаты исследования, отражённые в диссертации, обсуждались в докладах, представленных, в частности, на следующих конференциях: — 4th International conference on Samoyedology (Гамбург, Германия, 2012 г.), доклад «Средства детранзитивизации в ненецком языке»;

— Международная конференция «Лингвистическая типология: методы и направления исследований» (Каменец-Подольский, Украина, 2013 г.), доклад «Взаимодействие аспектуальной и актантной деривации в ненецком языке»;

— Третья конференция «Типология морфосинтаксических параметров» (Институт языкознания РАН / МГУ имени М. А. Шолохова, Москва, 2013 г.), доклад «Имперфективирующие деривации и антипассивная конструкция в ненецком языке»;

— Десятая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 2013 г.), доклад «Некаузативные эффекты каузативной морфологии в северносамодийских языках»;

— VI Международная конференция по самодистике (Институт языкознания РАН, Москва, 2016 г.), доклад «Causativization and (a)telicity: A Northern Samoyed{ic} perspective»;

— 7th International conference on Samoyed studies (Тарту, Эстония, 2018 г.), доклад «Resultative in Tundra Nenets»;

— 10th Workshop on Samoyed{ic} languages and cultures (Сегед, Венгрия, 2024 г.), доклад «'Passive' verbs with the marker *-ra / -rye* in Tundra Nenets».

Исследования, вошедшие в диссертацию, были поддержаны следующими грантами:

— РНФ 19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири»,

— РНФ 16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства»,

— РФФИ 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках»,

— РФФИ 13-06-00884 «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках»,

— грант, предоставленный Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325; проект «Арктический центр: языковое и культурное разнообразие Севера, Сибири и Дальнего Востока» НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала»),

а также Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Общие замечания

Диссертация посвящена исследованию актантной деривации и залога в тундровом ненецком языке. К сопоставлению по возможности привлекаются данные других уральских языков (т. е. генеалогически родственных), в особенности других северносамодийских языков (лесного ненецкого, нганасанского, лесного и тундрового энецкого), других языков Сибири (т. е. ареально близких) и — в качестве типологического фона — доступные данные любых других языков, в которых соответствующие явления описаны достаточно подробно и представляют интерес для сопоставления.

Актантные деривации и залог в общем случае представляют различные, хотя и тесно связанные глагольные зоны. Обычно считается, что актантная деривация затрагивает структуру исходной ситуации, меняя количество участников или перераспределяя их роли, тогда как залог позволяет взглянуть на ту же самую ситуацию с другой стороны (происходит лишь коммуникативное перераспределение значимости участников, а их количество и роли остаются неизменными). При этом явления актантной деривации традиционно относят к словообразованию, а залоговые преобразования, как правило, к словоизменению. Необходимо признать, что такое положение дел встречается далеко не всегда. На практике зачастую провести границу этими двумя классами явлений не так просто. Данные тундрового ненецкого и в целом северносамодийских языков позволяют говорить об актантной деривации и о залоге как о явлениях более или менее одного порядка. В частности, в них не только возможна пассивизация каузативного глагола, что более или менее тривиально, но и, наоборот, каузативный дериват может быть образован от того, что уместно называть пассивным глаголом в соответствии с большинством релевантных параметров; ср. следующий пример.

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

- (1) *te-myih* *xa*-^o
олень-POSS.1NPL умереть-GFS.3SG.S
'У меня олень умер (например, от болезни).'
- (2) *ti* *xa-da-ra-wi*^o-*q*, *sarmyik*^o *xa-da-we-da*
олень умереть-CAUS-PASS-NARR¹-3SG.R волк умереть-CAUS-NARR-3SG.O
'Олень оказался убитым, волк его задрал.'
- (3) *xasawa* *te-m-ta* *xa-da-ra-bta*^o
мужчина олень-ACC-POSS.3SG умереть-CAUS-PASS-CAUS-GFS.3SG.S
'Мужчина погубил оленя (например, загнал до смерти).'

¹ Глоссы частично упрощены, не отражают различия между т. н. обычными и специальными модальными подосновами глаголов. Детали формальной морфологии тундрового ненецкого языка подробно освещаются в работах [Salminen 1997; 1998].

В примере (1) представлен непроеизводный глагол *ха*- 'умереть'; в примере (2) две финитных клаузы: вершиной последней из них является каузативный дериват от этого глагола, вершиной первой — пассив от данного каузатива²; наконец, в примере (3) мы наблюдаем производный глагол с длинной деривационной историей. В последнем случае каузативизации подвергается пассивный дериват, и семантика нового глагола отличается от семантики простого каузатива от глагола *ха*-.

Каузатив и пассив представляют собой наиболее хорошо изученные в литературе и наиболее часто встречающиеся в языках мира явления из области актантной деривации и залога. Они находятся и в центре данного исследования, хотя другие актантные деривации также обсуждаются. В настоящей работе в качестве обобщающего понятия используется актантная деривация, а залог рассматривается как частная разновидность актантной деривации (а не наоборот, когда в качестве гиперонима используется термин «залог», как во многих традиционных грамматических описаниях).

Актуальность исследования определяется тем, что актантная деривация и залог являются одними из наиболее активно изучаемых фрагментов грамматики в последние полвека. Им посвящена необъятная литература. Традицию типологического изучения данной проблематики заложили российские лингвисты, работавшие в русле Ленинградской типологической школы: прежде всего это В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий, А. А. Холодович, В. С. Храковский. Данные явления исследовались также в работах Т. Гивона, Р. Диксона, Б. Комри, Л. И. Куликова, С. С. Сая, М. Сибатани, М. Хаспельмата и многих других зарубежных и отечественных типологов. В рамках более формальных направлений различные актантные деривации и залоговые преобразования обсуждались в работах А. Алексиаду, Е. Анагностопулу, Д. Даути, Б. Левин, Е. А. Лютиковой, Л. Пюлкьянен, М. Раппопорт Ховав, Дж. Рэмченд, С. Г. Татевосова, Х. Харли и многих других исследователей. Несмотря на значительные масштабы исследований, нельзя сказать, что параметры межъязыкового варьирования в данной области достоверно известны. Разумеется, лингвисты нуждаются в новых данных по тем языкам, в которых обсуждаемые явления до сих пор подробно не изучались. Таковыми как раз являются северносамодийские языки и, в частности, тундровый ненецкий. Кроме того, существует лишь небольшое количество работ, в которых залог и актантная деривация рассматривались бы не сами по себе, а в их взаимодействии с другими грамматическими явлениями и зонами (видовой системой, аспектуальными деривациями, глагольным согласованием, дифференцированным падежным маркированием и пр.) внутри одной языковой системы, хотя на важность изучения взаимодействия

² Оба деривата в форме т. н. Нарратива (что соответствует типологическому ярлыку «инферентив»), в этих случаях свидетельствующей, что говорящий наблюдал не непосредственно ситуацию, а её следствия.

грамматических явлений, в первую очередь граммам и грамматических категорий, специально обращали внимание в недавних работах А. Ю. Айхенвальд, Р. Диксон, А. Л. Мальчуков, В. С. Храковский.

Несмотря на то, что некоторые аспекты явлений из области залога и актантной деривации затрагивались в исследованиях по самодийским языкам, в частности, в работах Б. Вагнер-Надь, А. И. Кузнецовой, И. А. Николаевой, Г. Н. Прокофьева, Н. М. Терещенко, Е. А. Хелимского и др., в целом эта проблематика в исследованиях по тундровому ненецкому и другим самодийским языкам оставалась скорее в тени. В данной работе эта тема впервые является предметом специального исследования, чем и определяется **научная новизна** диссертации. Кроме того, изучаемые явления в тундровом ненецком языке до сих пор почти не сопоставлялись с данными других языков, а подобное сопоставление может представлять интерес не только для самодистики, но и для лингвистической типологии.

Цель исследования состоит в описании актантных дериваций и залоговых преобразований в тундровом ненецком языке и выявлении его типологического своеобразия в этой области. В соответствии с целью в диссертации ставятся следующие **задачи**:

- уточнение состава, выявление дистрибуции и значений морфологических показателей, которые могут выражать значения из области залога и актантной деривации;
- определение морфосинтаксических последствий применения различных дериваций;
- выявление грамматических и лексических ограничений, налагаемых на актантно-значимые преобразования;
- изучение взаимосвязи между актантной деривацией, видом и аспектуальной деривацией;
- определение места актантных дериваций и залога в тундровом ненецком языке в общей типологии актантно-значимых преобразований.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в ней вводятся в рассмотрение грамматически релевантные факты тундрового ненецкого, которые до сих пор либо вообще не были известны, либо упускались из виду, не получали никакого объяснения и т. п. Данное исследование позволяет уточнить существующую типологию некаузативных эффектов каузативной морфологии, среди которых в литературе чаще всего называются лишь интенсивность совершения действия и / или итеративность, дистрибутивность и пр. Эта работа представляет интерес и для изучения каузативно-апликативного синкретизма, для уточнения статуса социативной каузации (в рамках противопоставления прямой / контактной vs. непрямой / дистантной каузации), для исследований по взаимодействию актантных и аспектуальных дериваций.

Практическое значение диссертации во многом объясняется её эмпирической ориентированностью. Факты, описанные в данной работе, и выводы, полученные здесь, могут быть использованы в описаниях морфологии и синтаксиса тундрового ненецкого языка и в сопоставительных исследованиях грамматики самодийских языков, а также в процессе полевого изучения самодийских языков. Материал исследования может быть привлечён при подготовке общих и специальных курсов по грамматике уральских языков, типологии актантных преобразований, глагольных грамматических систем и пр. и уже привлекался автором в преподавании курса сравнительной грамматики уральских языков студентам отделения финно-угорской филологии МГУ имени М. В. Ломоносова и научно-исследовательских семинаров «Тундровый ненецкий язык» и «Повышающие актантные деривации» студентам образовательной программы «Фундаментальная и компьютерная лингвистика» НИУ ВШЭ.

В качестве основного материала исследования использовались опубликованные и неопубликованные тексты на тундровом ненецком, а также других северносамодийских языках. Привлекались данные грамматик, словарей и отдельных работ по этим языкам. Кроме того, важные материалы по тундровому и лесному ненецким языкам были собраны автором лично в ходе полевой работы в следующих населённых пунктах: с. Антипаюта (тундровый ненецкий; Тазовский р-н ЯНАО, 2011 г.), п. Белоярск (тундровый ненецкий; Приуральский р-н ЯНАО, 2012 г.), с. Халясавэй (лесной ненецкий; Пуровский р-н ЯНАО, 2012 и 2013 гг.), с. Гыда (тундровый ненецкий; Тазовский р-н ЯНАО, 2014 г.). Некоторые сопоставительные данные по нганасанскому языку также были получены «в поле», в процессе записи аудиословаря в Дудинке в 2014 году.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) В тундровом (и лесном) ненецком языке есть как минимум 4 различных показателя каузатива (с многочисленными синхронными алломорфами и исторически связанными вариантами), дистрибуция которых не определяется морфонологическими факторами. Не существует закономерности «одна исходная основа — один каузативный дериват»: несколько каузативных дериватов от одного и того же глагола могут быть распределены территориально или могут сосуществовать в рамках одной системы и обнаруживать различия в значении. Сочетаемость показателей каузатива с различными актантными классами глаголов может быть сформулирована в виде тенденций. Основным параметром противопоставления при этом является возможность присоединения к (агентивным) переходным глаголам.

2) В восточных говорах тундрового ненецкого языка (и в исследованном пуровском говоре лесного ненецкого языка) существуют строгие ограничения на образование каузативных дериватов от агентивных переходных глаголов: если они образуются, то обычно семантически нерегулярны; некоторые из них не обладают

свойством имплицативности, т. е. не предполагают реальности каузируемой ситуации (в том числе в наиболее перфективной форме с референцией к прошлому).

3) В тундровом (и лесном) ненецком языке каузативные глаголы перфективны и предельны — кроме дериватов от базовых глаголов перемещения, которые имперфективны и неопредельны (дериваты с некаузативной семантикой, в частности аппликативы, не обязаны быть перфективными и предельными). Каузативный показатель *-ТА* не присоединяется напрямую к глаголам, не имеющим перфективных употреблений в финитных формах, в этом случае каузатив образуется через посредство инхоативного показателя *-L*.

4) При каузативизации непереходного одноместного глагола исходное подлежащее переходит в позицию прямого дополнения; при каузативизации переходного агентивного глагола исходное подлежащее переходит в позицию непрямого дополнения (и оформляется дативом), — что в целом укладывается в рамки обобщения Б. Комри [Comrie 1976], известного как «paradigm case».

5) В тундровом (и лесном) ненецком языке отсутствуют специализированные показатели аппликатива, однако в ряде случаев (квази)аппликативную функцию могут выполнять каузативные показатели. Среди других некаузативных эффектов каузативной деривации в первую очередь заслуживают внимания агентивизация и маркирование конверсивных отношений.

6) Среди других повышающих актантных дериваций выделяется специализированный показатель декларатива / тропатива / «эстиматива» *-КЭРТА* (≈ 'считать, что P').

7) В тундровом (и лесном) ненецком, в отличие от других северносамодийских языков, показатель деривационного непричастного пассива непродуктивен, избирательно присоединяется к переходным и к ряду непереходных и именных основ; дериват всегда перфективен, а также, как правило, предполагает нежелательность осуществления ситуации для участника в позиции подлежащего (или его посессора).

8) В тундровом (и лесном) ненецком языке сильно связаны аспектуальная / плюракциональная и актантная модификация. Большая часть имперфективирующих дериваций может приводить к интранзитивизации клаузы путём понижения статуса / удаления из поверхностной структуры Р-участника или реже А-участника. Кроме того, существует показатель антипассива / объектного имперсонала, модифицирующий только переходные основы.

Структура и основное содержание работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографии и девяти приложений, шесть из которых составляют статьи, выносимые на защиту.

Первые две главы носят преимущественно вводный характер. В Главе 1 («Общие сведения о самодийских языках»), в частности, рассматриваются проблемы

классификации, территория распространения и диалектное членение самодийских языков, современная языковая ситуация в самодийских сообществах, а также даётся общая типологическая характеристика самодийских языков.

Глава 2 («Залог и актантная деривация: краткий обзор») включает обзор наиболее значимых понятий и явлений из области аргументной структуры, событийной структуры и актантно-значимых преобразований, в частности, обсуждаются различия между глаголами способа и результата, подходы к лексической декомпозиции, а также вводятся основные представления о пассиве, каузативе, декаузативе, антипассиве, аппликативе и прочих актантно-значимых преобразованиях.

Следующие две главы посвящены описанию собственно тундровых ненецких и самодийских данных. В Главе 3 («Каузатив и другие повышающие деривации») в центре внимания находятся морфологические показатели каузатива в тундровом ненецком и других северносамодийских языках. Обсуждаются проблемы, связанные с выявлением дистрибуции нескольких каузативных аффиксов. Обсуждается семантика каузативных глаголов, в частности, способы выражения прямой vs. непрямой каузации, фактитивной vs. пермиссивной каузации. Отдельно рассматриваются строгие ограничения на дистантную каузативизацию и реинтерпретация каузативных дериватов от агентивных переходных глаголов в исследованных идиомах тундрового и лесного ненецкого. Специальные разделы посвящены неинтенциональной каузации, социативной каузации и маркированию конверсивных отношений с помощью показателя каузатива, а также связи каузативизации и предельности. Помимо описания каузатива, данная глава содержит наблюдения о глаголах, маркированных показателем декларатива (\approx 'считать, что P'), и о т. н. «безобъектной» переходной конструкции.

Глава 4 («Пассив и понижающие актантные деривации») содержит описание различных декаузативных стратегий и употреблений т. н. статива на *w. Затрагивается также проблематичный вопрос о функционировании рефлексивного спряжения в производных основах.

В библиографии приведён список литературы (всего более 400 позиций).

Первые три приложения призваны проиллюстрировать деривационный потенциал глагольной морфологии и лексикализацию каузативной альтернативы в тундровом ненецком языке. Остальные шесть приложений включают статьи, выносимые на защиту. Приложение 4 дополняет Главу 1, Приложение 5 и Приложение 6 дополняют Главу 3, Приложение 7, Приложение 8 и Приложение 9 дополняют Главу 4. С другой стороны, если основным текстом диссертации считать статьи, можно сказать, что Глава 3 дополняет Приложения 5–6, а Глава 4 — Приложения 7–9.

Статья [Стенин 2015а] (см. Приложение 4) представляет собой обзор, выросший из расширенной рецензии на первую современную англоязычную грамматику тундрового ненецкого языка [Nikolaeva 2014], в которой затрагиваются многие практически не изученные до сих пор вопросы синтаксиса этого языка. В статье рассматриваются основные особенности грамматики тундрового ненецкого языка, многие из которых весьма примечательны с типологической точки зрения. Среди прочего, в статье приводятся как частные, так и общие замечания относительно ряда аспектов устройства актантно-акциональных классов тундровых ненецких глаголов, функционирования рефлексивного спряжения и показателей актантной деривации. В частности, отмечаются неточности в списке транзитивизирующих показателей (с. 119–120), а также приводятся краткие наблюдения о существовании в тундровом ненецком не упоминаемого в литературе показателя — декларатива (/ тропатива / эстиматива), повышающей актантной деривации, значение которой в первом приближении может быть охарактеризовано как ‘считать, что Р’ (с. 120–121). С учётом этих наблюдений тундровый ненецкий включён в число 36 известных примеров языков с морфологическим эстимативом в типологическом обзоре [Jacques 2023], где показатель *-kəbta* охарактеризован как представляющий «каузативный тип». На самом деле на синхронном уровне *-kəbta* является нечленимым специализированным показателем декларатива, не используемым в каузативной функции, хотя диахронически он, вероятно, является составным и имеет отношение к одному из каузативных аффиксов (*-bta*).

В тундровом ненецком языке декларатив образуется в норме от одноместных предикатов, в основном от имён с признаковым значением и лишь в единичных случаях от непереходных стативных глаголов. Модель управления предиката при декларативной деривации изменяется практически так же, как при каузативизации непереходного предиката: исходный S-участник занимает позицию прямого объекта, а в позицию подлежащего вводится новый аргумент (но с ролью Экспериенцера, а не Агенса / Причины). Ср. (4), где представлена глагольная предикация и глагол содержит показатели инхоатива и декларатива, присоединённые к именной основе *səwa* ‘хороший’.

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

(4) *wíŋ-ki^o* *tənc^oya-m* *səwu-l-kəbta-ə-w^o*
 тундра-ADJ работа-ACC хороший-INCH-DECL-GFS-1SG.O

‘Работа в тундре мне понравилась’, букв. тундровую работу я счёл хорошей.

В Главе 3 содержатся также наблюдения о декларативном Стативе, который обнаруживает ряд отличий от обычного декларатива, в частности, образуется в основном от глагольных или от связанных основ и никогда не содержит показатель Инхоатива. В этом случае образуется непереходный глагол, сохраняющий тем не менее обычно в своей семантике указание на внешнюю оценку; ср. *nənc^o-kəbta-* ~ *nənc^o-kəbtyo-* ‘быть противным, отвратительным, вызывающим брезгливость’ <

nanc^o-kəbta- ‘вызвать брезгливость, отвращение’. Декларативные Стативы чаще обозначают эмоции, чувства, внутренние ощущения, но могут характеризовать и деятельность (поведение) человека; ср. *yísy^okəbta-* ~ *yísy^okəbtyo-* ‘баловаться, озорничать, шалить’.

В статье [Стенин 2015b] (см. Приложение 5) рассматриваются такие употребления каузативных показателей в северносамодийских языках, которые не имеют собственно каузативной семантики. Обнаруженные вторичные эффекты каузативной морфологии включают, в частности, аппликативизацию, агентивизацию и деагентивизацию, то есть выражение неинтенциональной каузации; ср. *xaqw^o-ra-bta-* ‘уронить, выронить (нечаянно)’ < *xaqw^o-ra-* ‘1) спустить, переместить вниз’. Особого внимания заслуживает маркирование конверсивных отношений (6).

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

(5) *maly^oсуа-туйһ* (*nyana-nyйһ*) *nyudyilye-y^o-q*
 малица-POSS.1NPL около.LOC-OBL.POSS.1NPL статья.маленьким-SFS-3SG.R
 ‘Малица стала мне мала’.

(6) *ясыеки^o* *туку^o* *ро-һ*
 ребёнок этот год-GEN
maly^oсуа-м-та *nyudyilye-btye-^o*
 малица-ACC-POSS.3SG статья.маленьким-CAUS-GFS.3SG.S
 ‘Ребёнок в этом году вырос из малицы’, букв. сделал ставшей маленькой.

Конверсивные пары, в которых оба глагола переходные, а один при этом является формально каузативом от другого (типа *matоq-ləbta-* ‘проиграть’ < *matоq-* ‘выиграть’), наиболее далеко отстоят от настоящих каузативов: из пяти свойств прототипического каузатива, сформулированных в [Лютикова и др. 2006: 53], они не обладают в строгом смысле ни одним.

В то же время примеры, в которых каузативный показатель маркирует конверсивные отношения или агентивизацию, обладают, в отличие от большинства аппликативных употреблений каузативов и дериватов от базовых глаголов перемещения ‘идти’ и ‘ходить’, одним важным свойством, сближающим их с настоящими каузативами, — финитные предикации с ними перфективны и предельны.

Данные северносамодийских языков позволяют дополнить и уточнить типологию несобственных употреблений каузативных показателей [Aikhenvald 2011; Kittilä 2009, 2013]. В [Aikhenvald 2011] предлагается разделить эффекты, связанные с употреблением каузативов, не изменяющих валентность исходного глагола, на три группы: 1) имеющие отношение к А-участнику (увеличение манипулятивного усилия, интенциональности, волитивности и контроля); 2) имеющие отношение к действию (интенсификация или итеративизация); 3) имеющие отношение к Р-участнику (увеличение степени вовлеченности, множественный или большой Р-

участник). При этом утверждается, что значения из первой и третьей групп выражаются только в тех языках, в которых несобственные употребления каузативов, не повышающие валентность, возможны только от переходных и амбитранзитивных глаголов, тогда как значения из второй группы выражаются во всех языках, в которых каузативы имеют употребления, не связанные с повышающей актантной деривацией.

В северносамодийских языках употребления каузативов, не повышающие валентность исходного глагола, возможны как от переходных и амбитранзитивных основ, так и от непереходных основ. В то же время в этих языках регулярно встречаются несобственные употребления каузативов, затрагивающие свойства S/A-участника, и практически не встречаются употребления, связанные, например, с интенсификацией действия. С другой стороны, классификация А. Ю. Айхенвальд нуждается в дополнении. Примеры, в которых с помощью каузативной морфологии выражаются конверсивные отношения, встречаются не только в северносамодийских языках, но и в существующих описаниях дагестанских, тюркских и других языков. Наконец, попытка связать практически все несобственные употребления каузативных показателей с повышением семантической переходности заведомо исключает из рассмотрения такие сложные случаи, как неинтенциональная каузация.

В статье [Стенин 2017] (см. Приложение 6) анализируется аргументная структура каузативных глаголов в тундровом и лесном ненецких языках. Основное внимание уделяется оформлению исходного подлежащего некаузативной конструкции. Изменения синтаксического статуса аргументов предиката, происходящие при каузативизации, в целом ожидаемы и соответствуют обобщению Б. Комри [Comrie 1976], известному как «paradigm case», согласно которому исходное подлежащее смещается в ближайшую свободную позицию на иерархии синтаксических отношений.

Интерес представляет базовый ингестивный глагол ('съесть'), который является в ненецких языках переходным и не допускает опущения прямого дополнения. Тем не менее его каузативизация в норме происходит по непереходному сценарию, что позволяет увидеть его непрототипическую семантическую переходность. Во многих других языках ингестивные глаголы также ведут себя особым образом по сравнению с поведением остальных переходных глаголов; см. в первую очередь [Næss 2007: 52ff.; Næss 2009] о типологии. В то же время в ненецких языках существует возможность каузативизации глагола 'съесть' по переходному сценарию, но только при неличном одушевлённом каузируемом. Дериват получает в этом случае значение, близкое к значению русского глагола *скормить*.

Статья [Стенин 2022] (см. Приложение 7) посвящена двум стратегиям причастного пассива в тундровом ненецком языке, при одной из которых выражение агенса допустимо, а при другой невозможно. Причастный пассив является стандартным и абсолютно продуктивным средством пассивизации в тундровом ненецком языке. Причастный пассив не предполагает конструкцию с пассивным причастием. В тундровом ненецком языке, в отличие от нганасанского, нет причастий, которые могли бы быть названы пассивными. Все причастия в тундровом ненецком, включая перфективное причастие, в залоговом отношении нейтральны [Терещенко 1956]. Так, в атрибутивной позиции перфективное причастие может релятивизовывать и S-, и P-, и (по крайней мере теоретически) A-участника. Однако в предикативной позиции перфективное причастие от переходных глаголов P-ориентировано. Причастный пассив не ограничен конструкцией с перфективным причастием в предикативной позиции и может быть образован также с участием имперфективного причастия, проспективного причастия и отрицательного причастия, т. е. всех четырёх причастий.

Первая стратегия (агенсный пассив) рассматривается преимущественно на примере конструкции с перфективным причастием (7). Обсуждаются согласовательные паттерны данной конструкции и ограниченная допустимость подлежащих первого и второго лиц.

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

- (7) *tyiki*^o *xəŋə-r*^o *syən*^o *te-w*^o*na* *temta-we-r*^o?
 этот нарта-POSS.2SG сколько олень-PROL купить-PT.PFV-POSS.2SG
 ‘Эту нарту ты за сколько оленей купил?’, букв. эта нарта за сколько оленей куплена тобой.

Согласно [Nikolaeva 2014: 244], тундровый ненецкий причастный пассив обозначает событие, а не результат события, поскольку совместим только с обстоятельствами, характеризующими способ действия, а не результат, и время (динамического) события, а не время его результата. В (8) представлен один из трёх примеров, приводимых И. А. Николаевой в подтверждение этой точки зрения.

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ

- (8) *xarəd*^o *nyísyə-nyí* *yəŋampro-w*^o*na* *syerta-wi*^o
 дом отец-GEN.POSS.1SG медленный-PROL сделать-PT.PFV[3SG]
 ‘The house was slowly built by my father’ [ibid.].

Характеристика тундрового ненецкого причастного пассива только как событийного и не имеющего результативных употреблений представляется слишком радикальной. Свойства неимперсонального причастного пассива с поверхностно выраженным агенсом, с одной стороны, и неимперсонального пассива с поверхностно невыраженным агенсом, с другой стороны, могут частично различаться. Во

всяком случае, относительно легко можно найти примеры, в которых обстоятельство ориентировано скорее на результирующее состояние, а не на агентивную деятельность или процесс в пациенте (т. е. подсобытия, предшествующие наступлению результата) — по крайней мере, среди примеров с (поверхностно) невыраженным агентивным дополнением.

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ

- (9) *yesyɑ-h* *yutyek*^o *nyarm^obix^ontɑ* *yuda-wi*^o
 железо-GEN кусок докрасна.DAT.POSS.3SG нагреть-PT.PFV[3SG]
 ‘Кусок железа раскалён докрасна’ [Терещенко 1965: 357].

Вторая стратегия, которая является обязательно имперсональной, обсуждается на примере конструкции с имперфективным причастием. Причастие в этой конструкции образуется от глагола через посредство показателя дуратива. Эта конструкция используется в хабитуальных (генерических) контекстах и не допускает выраженного агенса.

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

- (10) *ɲaw^oka* *nyɑny^o-xɑnɑ*, *xɑlyɑ* *yewey^o-xɑnɑ* *ɲaw^olɑ-mpɛ-dɑ*
 авка хлеб-LOC рыба суп-LOC накормить-DUR-PT.IPFV[3SG]
 ‘Авку (обычно) кормят хлебом, ухой’.

- (11) **ɲaw^oka* *nyebyɑ-nyih* / *nyebyɑ-xɑ-nyih* /
 авка мать-GEN.POSS.1NPL мать-DAT.POSS-POSS.1NPL
nyebyɑ-xɑnɑ-nyih *ɲaw^olɑ-mpɛ-dɑ*
 мать-LOC-POSS.1NPL накормить-DUR-PT.IPFV[3SG]
 Ожидаемое значение: ‘(Эту) авку кормит моя мама’.

Во всех имеющихся примерах имперфективное причастие образуется от глагола через посредство показателя дуратива *-(m)ɛ*, что можно было бы, на первый взгляд, связать с гипотетической необходимостью образования имперфективного причастия от имперфективного глагола, а поскольку конструкция используется для описания типичных свершений, которым в непроизводной глагольной лексике тундрового ненецкого соответствуют перфективные глаголы, дуративная деривация могла бы обеспечить гипотетически необходимую имперфективацию. Однако, во-первых, имперфективные причастия от дуративных дериватов не могут в составе этой конструкции иметь актуально-длительное прочтение, доступное соответствующим дуративным глаголам в финитных формах, в том числе в неопределённо-личной форме (формально 3 л. мн. ч.); ср. (12) и (13).

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

- (12) *tyuku*^o *myakɑnɑ* *tyedah* *lyes^oka-m* *tal^ota-mpyi-doh*
 этот чум.LOC сейчас леска-ACC зажарить-DUR.GFS-3PL.O
 ‘В этом чуме сейчас жарят леску (лепёшку)’.

- (13) **tyuku*^o *myakəna tyedah lyes^oka tal^ota-mpə-da*
 этот чум.LOC сейчас леска зажарить-DUR-PT.IPFV[3SG]
 Ожидаемое значение: 'В этом чуме сейчас жарят леску'.

Во-вторых, дуративный показатель обнаруживается в имперфективном причастии в составе имперсональной пассивной конструкции в том числе в единственном известном мне примере, в котором исходный непроизводный глагол имперфективный и обозначает в норме состояние (а не свершение). Это причастие *yaqmi-bə-da* (не.мочь-DUR-PT.IPFV), образованное от глагола *yaqmi-bə-* 'не мочь, быть не в силах делать что-л. (много раз)' [Терещенко 1965: 857], который, в свою очередь, образован от глагола *yaqtə-* 'не мочь, быть не в силах сделать что-л.'; см. следующий пример.

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ

- (14) *xəbarta ŋin^o-xəna yaqmi-bə-da*
 лось лук-LOC не.мочь-DUR-PT.IPFV[3SG]
 'Лося нельзя убить из лука' [ibid.].

Можно предположить, что во всех случаях функция дуратива в составе имперсональной пассивной конструкции с имперфективным причастием заключается в создании хабитуального (или генерического) предиката, т. е. дуративный показатель выступает своего рода «этикеткой» хабитуального (или генерического) оператора. Этот оператор гарантирует невозможность актуально-длительного прочтения и предположительно по крайней мере отчасти ответственен также за запрет на выражение агенса, поскольку приводит к «стативизации» клаузы и требует от ситуации исключительно генерического прочтения.

В статье [Стенин 2023а] (см. Приложение 8) рассмотрены непереходные глаголы тундрового ненецкого языка, образованные с помощью непродуктивного показателя *-ra / -rye*, который лишь упоминался в грамматических описаниях, но никогда не был предметом специального анализа. В морфосинтаксическом отношении функцию этого показателя в сочетании с переходными глаголами уместно описывать как пассивную; ср. (15)–(16). При этом, в отличие от других северносамодийских языков, где обнаруживаются когнатные показатели, в тундровом ненецком собственно пассивные употребления *-ra / -rye* непродуктивны, с его помощью образуется лишь несколько десятков пассивных глаголов.

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

- (15) (*məny^o*) *yesya-nyih ŋæsya^o-m talye-wi^o-q*
 я железо-[GEN]POSS.1NPL мешок-ACC украсть-NARR-3PL.S
 'У меня украли кошелёк', букв. мой кошелёк украли (они).

- (16) (*məny*^o) *yesy*^o-*nyih* *talye-rye-wiə-d*^o*q*
 я железо.PL-[NOM]POSS.INPL украсть-PASS-NARR-3PL.R
 ‘У меня украли деньги’, букв. мои деньги оказались украдены.

Кроме ограниченного числа переходных глаголов, присоединение предположительно того же показателя *-ra* / *-rye* допускают также отдельные непереходные глаголы и некоторые именные основы. В последнем случае деривационная история глагола, как правило, включает промежуточный сегмент *q* (S), который можно связать с вербализующей / транзитивизирующей морфологией. Дериваты, возводимые к именным основам, демонстрируют двойное присоединение «пассивной» морфологии и позволяют продвинуть в позицию подлежащего участника, отсутствующего в аргументной структуре исходного предиката (17).

Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

- (17) *mənyaq sawo-q-la-re-y*^o-*wacy*^o / **sawo-q-le-y*^o-*wacy*^o
 мы.PL разлив-Q-PASS-PASS-SFS-1PL.R.PST разлив-Q-PASS-SFS-1PL.R.PST
 ‘Мы оказались залиты половодьем’.

В семантическом отношении отыменные дериваты и ядро отглагольных пассивов объединяет употребление преимущественно в адверсативных контекстах. Непродуктивность и лексикализованность глагольного пассива, а также существование продуктивной альтернативной стратегии пассивизации, а именно причастного пассива с понятным и типологически ожидаемым кругом употреблений, позволяет предположить, что основным содержанием деривации на *-ra* / *-rye* может быть не столько смещение агенса или топиализация пациенса, сколько акцент на «затронутости» (affectedness) одного из участников — либо продвинутого в позицию подлежащего, либо связанного с ним посессивными отношениями. Возникновение и закрепление адверсативных употреблений может быть связано с наличием в тундровом ненецком языке каузативно-пассивного синкретизма и продуктивной детранзитивизации посредством мены спряжения на рефлексивное.

В статье [Стенин 2023b] (см. Приложение 9) рассматриваются словообразовательные показатели тундрового ненецкого языка, функция которых может быть названа антипассивной. Присоединение их к глагольной основе затрагивает синтаксический статус R-участника двухместного переходного глагола, а также может накладывать определённые семантические или прагматические ограничения на интерпретацию R-участника. Антипассивизация в тундровом ненецком языке тесно связана с имперфективацией, что типологически ожидаемо. С одной стороны, к антипассивизации могут приводить имперфективирующие деривации, в первую очередь из зоны предикатной множественности. С другой стороны, пока-

затель *-ŋko*, который может быть назван специализированным антипассивом, присоединяется исключительно к переходным глаголам и в обязательном порядке приводит к имперфективации и детелисизации.

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

(18) *učityely*^o *hasawa* *ŋacyeki*^{o-m} *syidya* *čas*^{o-h} *pyirat*^{o-h}
 учитель мужчина ребёнок-ACC два час-GEN до.DAT
tadey^o *knyiga-m* *tola*^o *tabyeda*^{o-da}
 целый книга-ACC прочитать-CVB велеть-GFS-3SG.O
 'Учитель велел мальчику прочитать целую книгу за два часа'.

(19) *učityely*^o *ŋacyeki*^{o-m} *tadey*^o *syidya* *čas*^{o-h}
 учитель ребёнок-ACC целый два час-GEN
tola-ŋko^o *tabyeda*^{o-da}
 прочитать-ANTI-CVB велеть-GFS-3SG.O
 'Учитель велел ребёнку читать целых два часа'.

В то же время показатель *-ŋko* не исключён из актуально-длительных контекстов, хотя в большинстве типичных употреблений предполагает низкую степень идентифицируемости Р-участника, его нереферентный, неопределённый или генерический статус. Аналогичные эффекты в сочетании с переходными глаголами привносит показатель Имперфектива *-tə / -nə*, однако он присоединяется также к непереходным перфективным глаголам. Специально обсуждаются морфонологические ограничения на показатель *-ŋko*, а также конкуренция Антипассива и Имперфектива. Отдельно комментируются данные других северносамодийских языков. Система в лесном ненецком похожа на тундровую ненецкую. В отличие от ненецких языков, в лесном энецком языке антипассивные конструкции малочисленны и периферийны, а в нганасанском языке их не обнаруживается.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо, ACC — аккузатив, ADJ — адъективизатор, ANTI — антипассив, CAUS — каузатив, CVB — конверб, DAT — датив, DECL — декларатив, DUR — дуратив, GEN — генитив, GFS — общая финитная основа, INCH — инхоатив, IPFV — имперфектив, LOC — локатив, NARR — нарратив (наклонение), NOM — номинатив, NPL — множественное число, O — субъектно-объектная серия, OBL — косвенная серия, PASS — пассив, PFV — перфектив, PL — множественное число, POSS — посессивность, PROL — пролатив, PST — прошедшее время, PT — причастие, Q — формант *q*, R — «рефлексивная» серия, S — субъектная серия, SFS — специальная финитная основа, SG — единственное число

Литература

- Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. (2006). *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.: ИМЛИ РАН.
- Стенин И. А. (2015a). Грамматика тундрового ненецкого языка И. А. Николаевой и проблемы описания самодийских языков. *Вопросы языкознания* (4). 91–133.
- Стенин И. А. (2015b). Некаузативные эффекты каузативной морфологии в северносамодийских языках. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* XI (2). 583–597.
- Стенин И. А. (2017). Синтаксис каузативной конструкции в ненецких языках. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований* (1). 25–35.
- Стенин И. А. (2022). Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка* 81 (4). 96–108.
- Стенин И. А. (2023a). О пассивных глаголах с показателем *-ra / -rye* в тундровом ненецком языке. *Вопросы языкознания* (4). 21–46.
- Стенин И. А. (2023b). Антипассивные показатели в тундровом ненецком языке. *Урало-алтайские исследования* (4). 80–105.
- Терещенко Н. М. (1956). *Материалы и исследования по языку ненцев*. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Терещенко Н. М. (1965). *Ненецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- Aikhenvald A. Y. (2011). Causatives which do not cause: non-valency-increasing effects of a valency-increasing derivation. *Language at large: Essays on syntax and semantics*, by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Leiden: Brill. 86–142.
- Comrie B. (1976). The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergencies. *The grammar of causative constructions*, ed. by M. Shibatani. New York: Academic Press. 261–312.
- Jacques G. (2023). Estimative constructions in cross-linguistic perspective. *Linguistic typology* 27 (1). 157–194.
- Kittilä S. (2009). Causative morphemes as non-valency increasing devices. *Folia linguistica* 43 (1). 67–94.
- Kittilä S. (2013). Causative morphemes as a de-transitivizing device: what do non-canonical instances reveal about causation and causativization? *Folia linguistica* 47 (1). 113–137.
- Nikolaeva I. (2014). *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: de Gruyter Mouton.
- Næss Å. (2007). *Prototypical transitivity*. Amsterdam: John Benjamins.
- Næss Å. (2009). How transitive are EAT and DRINK verbs? *The linguistics of eating and drinking*, ed. by J. Newman. Amsterdam: John Benjamins. 27–43.
- Salminen T. (1997). *Tundra Nenets inflection*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Salminen T. (1998). *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.